

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ
Кафедра отраслевой и прикладной социологии

Государственное казенное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ ТАМОЖЕННАЯ АКАДЕМИЯ»
РОСТОВСКИЙ ФИЛИАЛ

А. В. Богучарский, Т. А. Марченко, О. В. Переверзева

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ, ПУБЛИЧНОСТЬ И ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ

Учебное пособие по курсу
«Современные социологические теории»

ПРОФ
пресс

РОСТОВ-НА-ДОНУ — 2015

УДК 316
Б 74

*Публикуется на основании решения учебно-методического совета
Ростовского филиала Российской таможенной академии
(протокол № 2 от 10.09.2015 г.).*

*Рекомендовано редакционно-издательским советом
Ростовского филиала Российской таможенной академии
к использованию в качестве учебного пособия.*

Ответственный редактор:

Т. А. МАРЧЕНКО, доктор социологических наук, профессор

Рецензенты:

ШИЛКИНА Е. Л., доктор социологических наук, профессор,

БЕЛОГОРЦЕВ В. Н., доктор философских наук, профессор

Б 74 Богучарский А. В., Марченко Т. А., Переверзева О. В. Общественное мнение, публичность и публичная политика в современных социологических теориях: Учебное пособие. Рекомендовано редакционно-издательским советом Ростовского филиала Российской таможенной академии. Ростов н/Д: Профпресс, 2015. — 36 с.

Работа адресована преподавателям, студентам, аспирантам, интересующимся актуальными проблемами социологической науки. Материалы работы могут использоваться в исследованиях различных аспектов публичности, исследования общественного мнения, публичной политики, а также в учебном процессе при изучении тем, связанных с рассматриваемыми проблемами.

ISBN 978-5-905468-53-7

УДК 316

© А. В. Богучарский, Н. А. Вялых, О. В. Переверзева, 2015

© Южный федеральный университет,

Институт социологии и регионоведения,

кафедра отраслевой и прикладной социологии, 2015

© Российская таможенная академия, Ростовский филиал, 2015

© ООО «Профпресс», 2015

Введение

О понятиях «общественное мнение»,
«публичность» и «публичная политика»

Слово «публичный» вошло в русский язык из западно-европейских языков. По мнению Юргена Хабермаса, в английском языке уже в середине XVII в. слово «public» употреблялось вместо ранее употребляемых понятий «world» или «mankind». Примерно в то же время во французском языке появляется слово «le public», обозначающее те же самые понятия. В немецком языке существительное «Publikum» в качестве синонима слова «Welt» появляется в словарях XVIII в. Это понятие, переводимое на русский язык как «публика», «светский мир», обозначало в то время и зрителей театрального представления, и аудиторию какого-либо оратора, выступающего в публичном (общественном) месте¹. В современном немецком языке существительные «публичность», «открытость», «гласность», «общественность» обозначаются общим словом «Oeffentlichkeit», а производное от него прилагательное «oeffentlich» переводится на русский язык в четырех значениях:

- 1) общественный;
- 2) публичный;
- 3) общедоступный;
- 4) государственный².

В современном английском языке «публичная политика» часто синонимизируется с государственной политикой. Так, фраза «Public policy is the principled guide to action taken by the administrative executive branches of the state with regard to a class of issues in a manner consistent with law and institutional customs» переводится как «**Государственная политика** является принципиальным руководством к действию, принятому административной исполнительной властью в государстве в отношении к классу вопросов в соответствии с институциональными, тамо-

¹ Habermas J. Strukturwandel der Oeffentlichkeit. 17. Auflage. Frankfurt a / M. 1990. S.84.

² Немецко-русский словарь/Под ред. К. Лейна. М., 1992. С. 643.

женными законами»¹. Правильное понимание этого фрагмента утверждает акцентировку положения о том, что для потребителей СМИ публичная политика «является принципиальным руководством к действию», и призвана «служить справедливости, поддержке государственных институтов и политики и поощрять активное гражданство». На языке оригинала: «... public policy should solve problems efficiently and effectively, serve justice, support governmental institutions and policies, and encourage active citizenship».

В США, где публичная политика изучается в университетах и вузах, ведущих подготовку практикующих государственных политиков (of public policy practitioners), в функции публичной политики включают не только разъяснения и комментарии по поводу принятых правительством решений, но также анализ и обсуждения на стадии принятия решений. Выработка публичной политики представляет собой непрерывный процесс, в котором очень важна обратная связь. «Общественные проблемы, которые влияют на формирование публичной политики могут быть экономического, социального или политического характера. Каждая общественная система находится под влиянием различных общественных проблем, и специфика проблемы требует каждый раз иной, адекватной вопросу стратегии публичной политики»².

Заметим, что в современной российской политической культуре применительно к публичной политике эти значения не дефинируются. Вместе с тем, на наш взгляд, только понимание названных значений и их органический синтез дают грамотное в понятийном плане представление о «публичности», которая в действительной жизни является «пространством развёртывания», реализации публичной политики. И вовсе уходит из сферы внимания исследователей тот факт, что успешная публичная политика может осуществляться в пространстве публичности, лишь оставаясь в значительной мере в русле общекультурной традиции.³ Публичная политика, особенно формы её реализа-

¹ Jump up «Characteristics of Successful Public Policy». Norwich University Public Administration / Электронный ресурс: URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Public_policy.

² Hill, Micheal Public Policy Process. 2005 / Электронный ресурс: URL: reply@mail.goodreads.com.

³ См.: Богучарский А. В., Марченко Т. А. О методологии исследования политической публичности // Методология, теория и история социологии / Под ред. В. И. Филоненко: Сборник научных статей. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2011.

ции и воплощения являются частью общественной культуры. Поэтому их развитие предполагает внутренние императивы, систему норм и идеалов, которые вырабатываются и как осознание господствующих объективных форм развивающегося социума, и как наложение на наличное бытие проективности интересов и деятельности людей, целой коммуникативной системы человеческих смыслов.

Теория общества Н. Лумана по праву считается одной из самых интересных, и в то же время одной из самых сложных в современной социологии. Студентам-гуманитариям ее сложно и практически невозможно осваивать во всей полноте¹. Данное пособие предназначено представить некоторые ракурсы теории Н. Лумана, выходящие за рамки обязательного изучения.

¹ См.; Марченко Т. А., Вялых Н. А. Теория общества Н. Лумана: методические аспекты изучения и преподавания: методические рекомендации для будущих социологов и преподавателей социологических дисциплин: Учебно-методическое пособие. Ростов н/Д: Профпресс, 2014.

Раздел I

Проблема неадекватности общественного мнения. Общественное мнение и публичность

Никлас Луман, чьи работы имеют огромное методологическое значение для исследования феномена публичной политики, отмечал, что понятие «публичность» существенно отличается «от понятия системы массмедиа, а также от понятия «общественного мнения»¹. Доступность для каждого, обязательный момент непредсказуемости, отсутствие контроля над доступом к информации СМИ, — характеризуют публичность в политической сфере (в отличие от бытовой сферы, например — общественные туалеты и пр.).

Общественное мнение, формируясь в пространстве публичности по мере становления доступности коммуникаций, предстает как последняя инстанция в суждениях по политическим вопросам. Н. Луман пишет: «Хотя (и поскольку) публичность не являлась основанием для политических решений, но некоторым образом лежала вне границ политики, последняя использовала ее для политических целей и копировала ее в своей системе. Поэтому функцию системы масс-медиа следовало бы усматривать не в производстве, а в репрезентации публичности. ... репрезентация публичности средствами массмедиа обеспечивает в происходящем одновременно как прозрачность, так и непрозрачность, то есть: определенное тематическое знание в форме тех или иных конкретизированных объектов и неопределенность в вопросе, кто и как на это реагирует»².

Политический процесс жизни общества отражает весь спектр идущих в обществе трансформаций, в том числе и изменения в области политической культуры, формирования политических представлений. Так, столкновение двух мировоззренческих и культуросозидающих императивов (например, коллективно-коммунистического и корпоративно-буржуазного), в результате

¹ Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. С. 161.

² Там же. С. 164.

«стихийной», научно необоснованной публичной политики может породить систему тотального отчуждения человека с весьма драматичными социальными последствиями. Поэтому исследования политической культуры, политических представлений и ценностей выходят за рамки только теоретического интереса и приобретают практическую значимость.

«Исторический опыт современности, — писал когда-то доктор философских наук, профессор С. Б. Крымский, — меряется не только впечатляющими успехами материально-технического и социально-культурного развития, но и беспрецедентным накоплением старых и новых проблем, упущенных возможностей, иллюзий и сомнений, «белых» и «темных» пятен духовного поиска человечества»¹.

В этом проблемном поле вопросы публичности общественной жизни предстают как вопросы об особенностях политической жизни людей, соотношении истины и заблуждений в политических представлениях различных социальных общностей, оптимальном соотношении публичного и частного и др., — и настоятельно требуют своего углубленного исследования.

В отечественном обществознании достаточно изученными являются формы участия населения в политике. Однако это политическое участие рассматривается в отечественном обществознании в основном по отношению к электорату. Политическое участие, публичность и публичная политика, несомненно, взаимосвязаны между собой. Естественно, что электоральное поведение и избирательные политтехнологии входят в политическую публичность, являются формами политического участия, но не исчерпывают их содержание.

На протяжении веков политическая публичность связана с политической свободой. Эпоха Средневековья дает людям равенство перед Богом, а христианские учения выдвигают положение о конечности и преходящем характере земной власти. Начиная с Нового времени, идея политической свободы становится одной из главных идей и ценностей общества, они рассматриваются в русле договорных и естественно-правовых концепций. Диалектику противоречия свободы и равенства исследует А. Токвиль. В немецкой классике прогресс в осознании свободы равнозначен совершенному уровню реализованной свободы, свобода объявляется основой и сущностью государства и права. Ханна Арендт² полагала античностью идеалом политической

¹ Крымский С. Б. Истина и мнение // Филос. науки. 1990. №10. С. 73.

² Взгляды Х. Арендт проанализированы ниже.

публичности, так как идеал политической свободы античной демократии состоял в участии всех граждан в управлении государственными делами. Сущностью свободы стало подчинение закону, а не господину.

Как видим, сущность понятий «публичность» и «публичная политика» имеет широкое социально-философское звучание и функционально и содержательно связана с многими социологическими и общеполитическими категориями.

Помимо социально-философского понимания публичности имеются также ее социологические дефиниции, которые описывают ее общие, генеральные и частные социально-коммуникативные формы. Говоря о социологическом подходе к публичности, нельзя не отметить, что её наиболее фундаментальное рассмотрение предпринял известный социолог Никлас Луман в контексте построения своей политической коммуникативной теории. Ватславик, чьи труды высоко ценил и цитировал в своих работах Н. Луман, полагал, что публичная сфера, в которой присутствуют другие лица, способствует нашему более интенсивному восприятию реальности: «Публичный» означает сам мир, в той степени, каким он является общим для всех нас, в той степени, в какой он отличается от того, что является для нас частным, присущим только данной личности, т. е. тому месту, которое мы называем частной собственностью... как только мы заводим речь о тех вещах, которые попадают в сферу частного или интимного, мы помещаем их в такую область, где они приобретают свою действительность, которую они никогда бы не приобрели, несмотря на ту интенсивность, с помощью которой они могли бы нас затронуть. Присутствие других лиц, которые видят то, что мы видим, и которые слышат то, что мы слышим, подтверждает нам реальность существующего мира и нас самих, даже если это раскрывшаяся в полной мере интимность частной внутренней жизни... Такого рода интенсификация, естественно, может иметь место только при наличии веры в реальное существование окружающего мира»¹.

В отличие от Х. Арндт, «поместившей» феномен политики в «пространство публичного», представитель системно-функционального направления современной социологии Н. Луман определяет *публичность* как элемент функциональной

¹ Watzlawick P. Menschliche Kommunikation: Formen, Störungen, Paradoxien. Bern, 1969. S.30 // Цит по: Литвинова О. А. Система, социокультурный контекст, интердисциплинарность социологии Никласа Луманна: Дис. ... канд. социол. Ростов н/Д, 2003. С. 120–121.

политической системы. Политическая система Лумана — это система коммуникаций в обществе, имеющих отношение к власти и направленных на ее определенные и неопределенные (контингентные) решения.

Категорию коммуникации как элемент политической системы Н. Луман имплицитно в свою социологию из кибернетико-психологического учения П. Ватцлавика, которое пока не переведено на русский язык и рассматривает человеческие группы как круговорот обратных связей, так как в них поведение любого отдельно взятого индивидуума.

Луман выделяет в коммуникации три формы измерения взаимосвязи отсылок к её смыслу: отсылки к предметно-смысловому содержанию реальности; отсылки к прошлому, будущему, дистанцирование; социальное измерение (отсылки к социальности, отношению других лиц к тому же смыслу)¹. Наличие множественности значений коммуникации позволяет Луману рассматривать в качестве одного из проявлений публичности *общественное мнение в функциональной системе политики*. По Луману, коммуникация, общественное мнение позволяют политической системе реагировать через них на изменения во внешней среде (или в других функциональных системах)². Свой анализ публичности Луман проводит, опираясь на разработанную современным германским социологом-функционалистом Д. Беккером методику рефлексии социального феномена в системе.

Для понимания сути системно-рефлексионной методики анализа публичности Д. Беккера предлагаем ее в луманновской редакции: «Д. Беккер предложил рассматривать характеристику «публичного» в рефлексии (или, точнее — в наблюдении за наблюдением внутрисистемных границ общества). Его предложение такого рассмотрения принимает за точку отсчета теорему оперативного замыкания автопойэтических систем. Следуя этой теореме, ни одна из систем не может «перешагнуть» свои границы и не может функционировать в оперативном режиме в своей окружающей среде... Но любая внутренняя сторона границ системы предполагает наличие еще и внешней стороны системы, иначе система не имела бы границ как таковых, и ее операции невозможно было бы идентифицировать как ее собственные, присущие данной системе операции. На внешней же стороне границ системы, возможно, такая система, если она будет по-

¹ Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. Frankfurt a/M., 1987. S. 119.

² Krause D. Luhmann-Lexicon. 3. Aufl. Stuttgart, 2001. S. 211.

вторно испытывать состояние «раздражения», сможет «идентифицировать» другие системы и выполнять их верификацию путем актов коммуникации от системы к системе. Однако это будет невозможно в тех случаях, когда рассматривается внутриобщественная среда в целом, потому что, будучи внутренней средой отдельных частей системы, общество лишено и адреса для обращений, и способности действовать. *Именно такую генерализованную сторону, другую сторону всех внутриобщественных социальных систем и можно назвать публичностью*¹.

Замечено, что Н. Луманн не всегда и не все изучаемые им феномены объясняет с помощью своей когнитивно-конструктивистской терминологии. Так, в «Политике общества» он приводит и свое собственное определение публичности. Он относит её к коммуникации и применяет схожие с гегелевскими критерии функциональности. Вот что он пишет: «Человеческий разум нуждается в публичности для того, чтобы протестировать самого себя. При этом эквивалентом истины для функциональной области политики является общественное мнение. В этом случае речь не идет больше только о точном соответствии тем и мнений, а, скорее, об исторически проверенном, прошедшем закалку через «публичное сообщение» предмете: о результате коммуникации как предпосылке дальнейшей коммуникации»².

Исследуя категорию «публичного» в юридическом смысле, выпускник факультета правоведения Луман имплицитно в нее свою концепцию контингентности (отрицания необходимости и невозможности, обозначающего единство дифференции действительного и возможного³) социального.

На примере присутствия публики на судебном заседании это выглядит следующим образом. «Общественными»⁴ при употреблении этого термина в юридическом смысле, основываясь на богатых традициях, считаются те здания или предметы, которые являются общедоступными для всех. Но при этом возможно и наличие исключений из правил. Так, судебные заседания являются публичными, даже если помещение суда не в состоянии вместить всех желающих, так что, допустим, только лишь какая-то ограниченная часть желающих сможет присутствовать

¹ Luhmann N. Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt a/M., 2000. S. 285.

² Luhmann N. Op. cit. S. 280.

³ Krause D. Op. cit. S. 160.

⁴ В немецком языке «общественный» и «публичный» обозначаются одним словом «oeffentlich».

на процессе. Тем самым в данное понятие попадает момент «непредвиденности», т. е. невозможности предвидеть все возможные случаи. И поскольку никогда невозможно знать точно, кто воспользуется правом доступа, а кто — нет, постольку *никогда невозможно будет установить точно, кто и как будет реагировать в «режиме публичности»*¹.

*В качестве одного из проявлений принципа публичности в политике Луман рассматривает так называемое общественное мнение: «Общественное мнение следует понимать как мнение фактически живущих индивидуумов ...Его можно рассматривать как чистый артефакт прессы, потому что без него пресса могла бы попросту лишиться своей политической легитимации»*². Роль СМИ в политической системе Луманн также исходит с точки зрения своей концепции контингентности, иногда употребляя в качестве ее синонимов «непрозрачность», «непредвиденность», «интранспарентность». Отметим, что и Н. Луман, и П. Бурдьё считали общественные мнения (адресат публичной политики) — артефактом.

П. Бурдьё находил сомнительными основные постулаты, имплицитно задействованные в опросах. Вот что он пишет: «Так, всякий опрос мнений предполагает, что все люди могут иметь мнение или, иначе говоря, что производство мнения доступно всем. Этот первый постулат я оспариваю, рискуя задеть чьи-то наивно демократические чувства. Второй постулат предполагает, будто все мнения значимы. Я считаю возможным доказать, что это вовсе не так, и что факт суммирования мнений, имеющих отнюдь не одну и ту же реальную силу, ведет к производству лишённых смысла артефактов. Третий постулат проявляется скрыто: тот простой факт, что всем задается один и тот же вопрос, предполагает гипотезу о существовании консенсуса в отношении проблематики, то есть согласия, что вопросы заслуживают быть заданными. Эти три постулата предопределяют, на мой взгляд, целую серию деформаций, которые обнаруживаются даже, если строго выполнены все методологические требования в ходе сбора и анализа данных»³. Более того, он полагаю, что исследования общественного мнения, как правило, политически ангажированы, какой бы области жизни они ни

¹ Luhmann N. Luhmann N. Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt a/M., 2000. S. 284.

² Luhmann N. Op. cit.

³ Бурдьё П. Социология политики / Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко / М.: Socio-Logos, 1993. С. 161.

касались. Так, например, он пишет по поводу опросов, проводимых в учебных заведениях: «Предлагаемая исследованиями общественного мнения проблематика подчинена политическим интересам, и это очень сильно сказывается одновременно и на значении ответов, и на значении, которое придается публикации результатов»¹. П. Бурдые обосновывал, что «общественное мнение есть чистейший артефакт» и что «нет ничего более неадекватного, чем выражение общественного мнения в процентах»². Уолтер Липман, рассуждая о возможности неадекватности общественного мнения, писал: «Когда люди действуют исходя из принципа обеспечения информацией, они занимаются поиском фактов, на которых можно основывать решения. Когда они игнорируют этот принцип, то погружаются в самих себя и обнаруживают только то, что содержится в них самих. Они развивают собственные предрассудки, вместо того чтобы увеличивать свои знания»³.

По-видимому, когда в реальной политической жизни происходит нечто подобное, мы имеем дело с феноменом лжи. А ложь — серьезная политическая проблема. А. Черных полагает, что «главной глобальной политической проблемой является не уровень и качество демократии или защиты свобод и прав граждан, как это принято считать, а неограниченная и тотальная ложь в качестве основы государства и государственной политики. Ложь относится к группе тех понятий, которые широко используются в науке, в социальной практике, а также в повседневной жизни человека»⁴.

Н. Луман, видя «неадекватность» общественного мнения, считая его «артефактом»⁵, выделял множество весьма рациональных функций. Он пишет, что «средства массовой информации сами по себе создают транспарентность с помощью того, что они передают в своих актах коммуникации». Транспарентность понимается в данном случае не как гарантия достоверности информации, или её прозрачность (выше мы привели мнение Н. Лумана о прозрачности и непрозрачности медиа), а как её доступность каждому желающему получить инфор-

¹ Бурдые П. Социология паолитики. С. 123.

² Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 164.

³ Липман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. С. 152.

⁴ Черных А. В. Политическая ложь как механизм удержания власти // Власть. 2014. №12. С. 105.

⁵ Luhmann N. Luhmann N. Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt a/M., 2000. S. 280.

мацию, предоставляемую СМИ. Автор концепции контингентности, обосновывающий значение случайных коммуникаций, указывает на ограниченную эффективность прогнозов реакции общественного мнения на СМИ сообщения. Степень адекватности реакции делает общественное мнение артефактом, который все-таки, является составляющей массового сознания, а значит — способен мотивировать. Думается что при исследовании публичной политики, её эффективности этот факт необходимо учитывать.

Н. Луман подчеркивает, что формирование общественного мнения — процесс, который невозможно полностью прогнозировать: «Но то, как на это отреагируют другие акторы в системе средств массовой информации (масс-медиа), предугадать нельзя вследствие принципиально интранспарентного будущего. Вопреки всем ожиданиям традиционного характера, публичность не гарантирует достоверных знаний об этом или же знаний, за которыми признается статус достоверности, не говоря уже о рациональной выборке»¹. Ноэль-Нойман высказывает мысль, согласно которой сами опросы ничего не объясняют. Это происходит потому, что теория общественного мнения, несмотря на большие научные достижения в этой области, нуждается в дальнейшей разработке. Она пишет: «Одни лишь опросы еще ничего не объясняют; нужна *теория*, которая объяснила бы процессы формирования общественного мнения и получила бы подтверждение в эмпирических социальных исследованиях»². Ноэль-Нойман ставит и исследует много интересных вопросов, касающихся публичной сферы, правда в иной, негенерализованной форме. Так, среди прочих, она исследует вполне практический вопрос — вопрос о готовности граждан публично высказать или выразить свое мнение. Ноэль-Нойман пишет, что еще в 1975 году был разработан и опробирован инструментарий для измерения готовности к публичному признанию своих симпатий. Вопрос был сформулирован следующим образом: «Теперь выскажите свое мнение о партии, которая ближе других к Вашим воззрениям. Хотите ли Вы что-нибудь сделать для партии, которую считаете лучшей?» Версии ответов (11 вариантов, среди которых и непубличные — пожертвовать деньги, например) предлагались на

¹ Ibid. S. 285.

² Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Мансурова Н. С. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996.

специальных карточках. Среди вариантов были обозначены следующие:

- носил бы значок;
- прикрепил бы символику на автомобиль;
- ходил бы по домам и агитировал избирателей поддержать партию;
- повесил бы плакат партии на стене или в окне своего дома;
- расклеивал бы плакаты партии;
- выступил бы в уличной дискуссии и поддержал программу партии, принял бы участие в собрании партии;
- выступил бы на собрании партии, если бы это было необходимо;
- говорил бы о позиции этой партии на собраниях других партий;
- помог бы в распространении агитационных материалов партии.

Ноэль-Нойман пишет: «При пилотаже был получен простой, но значимый для анализа ответ: «Ничего из перечисленного не стал бы делать для партии, которой симпатизирую». ... удалось обнаружить депрессию сторонников партии. ... Статистический подход здесь ничего не выявил бы, а психологический аспект на практике привел партию на грань поражения»¹. Ноэль-Нойман поясняет, что исследование помогло выявить скрытые тенденции: «Конечно, можно прямо спросить, носит ли кто-нибудь значок партии или действительно прикрепил на машину ее символику. С точки зрения техники измерений преимущество такого способа проявления симпатии в том, что здесь фиксируется реальность и даже ведется наблюдение вместо, вероятно, сомнительных объяснений по поводу намерений»². Поэтому автор склонен трактовать публичность (*Offentlichkeit*) как состояние сознания человека, когда последний всегда «находится ли он в публичной (общественной) ситуации или он скрыт от общественного (публичного) наблюдения, и ведет себя соответственно. Во всяком случае, люди весьма различаются по тому, как на них действует осознание публичности. Индивид напряженно внимает общественности как анонимной инстанции, выносящей приговор, одаривающей популярностью и непопулярностью, уважением и презрением».

¹ Там же. С. 121.

² Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Мансурова Н. С. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. С. 85.

Наш современник Луман, свидетель многих громких скандалов, связанных со СМИ, не уверен в их объективности, а значит, в известной степени и в **эффективности публичности**: «Публичность является символом интранспарентности, порождаемой с помощью транспарентности. Все это имеет силу и для общественного мнения, в несколько ограниченном и поэтому усиленном смысле этого слова это значит — для публично доступного выражаемого мнения. Решающим и здесь является тот самый недоступный контроль — не столько за выражениями, чем можно управлять и даже покупать, сколько за резонансом необозримого большого количества людей и социальных систем»¹.

Иными словами, *Луманн считает почти невозможным полный контроль кого бы то ни было за формой сообщений СМИ и абсолютно невозможным контроль над общественным резонансом масс-медиа*. То есть, сила и значение общественного мнения не умаляются, а утверждается его неуправляемость, подвижность, неустойчивость.

Для подтверждения этого предположения, имеющего важное методологическое значение при исследовании публичности и публичной политики, он вводит определение «*лабильность общественного мнения*», объясняющее его непредсказуемость: «Лабильность общественного мнения, наблюдаемая уже на протяжении достаточно длительного времени, является подтверждением применения этого понятия, точно так же, как и нелинейная динамика лабильности: тот факт, что большое количество знаний способно регулярно просто исчезать, и, с другой стороны, даже малейшие намеки на сообщения способны вызывать самые непредсказуемые эффекты. Общественное мнение будоражит и управляет вниманием общества, но оно не контролирует то, что с ним проделывают, что с помощью него узнают»².

Для луманновской социологии в целом, особенно в период оформления его теории социальных систем, характерна высокая степень генерализации исходных категорий и конечных выводов. Обществовед Луманн находился под сильным влиянием всеобщей теории систем, кибернетики и когнитивно-конструктивистских концепций познания, областей научного знания. Поэтому он использует крайне абстрактный, генерализованный категориально-дефиниционный аппарат, описывающий предмет своего изучения только в генерализованной форме. Несмотря на то, что категориально-дефиниционный

¹ Luhmann N. Luhmann N. Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt a/M., 2000. S. 285.

² Luhmann N. Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt a/M., 2000. S. 286.

аппарат системной теории Н. Луманна плохо пригоден для анализа какого-либо эмпирического материала, его идеи имеют огромную ценность для понимания общественного мнения, публичности, публичной политики как непрерывных, «переплетающихся», очень значимых для жизни общества, процессов. Разработанное Луманом учение о политической публичности позволяет глубже понять её *сущность и значение* в жизнедеятельности общества в целом, что подчас «ускользает» от внимания исследователей, тем более, что политическая публичность представляет собой, несомненно, макросоциальное явление.

Публичная политика, в отличие от политической публичности, переносит акценты на проблемы направленности развития человеческого сообщества. Она осуществляется в публичном политическом пространстве и «охватывает» такую грань политической свободы, которая своими корнями уходит в самоосуществление человека и самоосуществление человеческого сообщества. А каков удел публичной политики в будущем? ведь критериями свободы, лежащей в основе политической публичности, являются реализация индивидом и обществом своего внутреннего потенциала, творческое саморазвитие, духовный и нравственный прогресс.

Как показывают исследования, отсутствие внутренней позитивной свободы и ответственности человека и общества препятствует развитию последнего и чревато обособлением, атомизацией индивидов, анархией или диктатурой. Вместе с тем существует явное противопоставление политической свободы как действительной, реальной свободы человека, свободы его выбора и действия политической свободе как мифу, формальной свободе, нигде и никогда не реализованной на практике в полном объеме¹. Прозвучавшие 19–24 июля 2014 на 23-м Всемирном конгрессе политической науки (Монреаль-Квебек) положения о готовности властей идти на контакт с протестующими и взаимодействовать с ними в решении конкретных проблем публичной политики, о кардинальном изменении «политического ландшафта» в сторону снижения политической напряженности и институционализации протестов как формы репрезентации интересов гражданского общества и участия публики в политике, — звучат скорее, как руководство к действию, нежели как опробированные многолетним опытом, практики.²

¹ См.: Басенок Н. А. Антиномии института политической свободы: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 8–10.

² См.: Интернет ресурс: URL: <http://www.isras.ru>.

Размышления о публичной политике связаны с необходимостью формирования нового нравственно-ценного отношения к власти. Исследователи фиксируют конфликт между частной моралью и политической практикой, справедливо полагая, что он является глубинным и развивается на уровне жизненных потребностей человека¹.

Политическая индифферентность населения общественно опасна, особенно в периоды реформ, социальных изменений. И это, несомненно, «промахи» российской публичной политики, которая, являясь сферой диалога, коммуникации, разговора с государством по общезначимым вопросам. Л. Никовская и В. Якимец пишут «Публичная сфера — это сфера диалога, общения, коммуникации, это сфера договора с государством по общезначимым вопросам. Как только атрибут публичности начинает исчезать или ощутимо уменьшаться, так сразу же на смену ему идут закрытость, коррумпированность, клановость и пр. Каналы влияния на органы государственной власти начинают монополизироваться сильнейшими группами давления, а гражданские институты оказываются не в состоянии донести свои интересы до власти имущих, что неминуемо отражается на ухудшении оценок состояния институтов ПП со стороны гражданского общества. Проведенные в 2009–2013 гг. исследования в целом подтвердили, что административное начало власти стремится доминировать в поле публичной политики ... Именно поэтому мы сегодня фиксируем вызревание противоречивых тенденций в точке сопряжения потребности в усилении регулирующей роли государства и расширения формата нового качества публичного взаимодействия с ним общества»².

А ведь публичная политика способна консолидировать людей на основе сопричастности к решению проблем общегосударственного, регионального и местного масштабов через адекватную, научно обоснованную публичную политику. Можно сказать, что путь к осуществлению демократических ценностей «проходит через поле» публичной политики. В современном общественности эта проблема, несмотря на всю её важность, остается практически неисследованной.

Как известно, понятие «политика» обозначает государственные или общественные дела, то, что относится к государству (от

¹ См.: Динамика ценностей населения реформируемой России / Под ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. М., 1996.

² Никовская Л., Якимец В. Повышение культуры публичной политики — вызов для демократического развития России // Власть. 2014. №9. С. 6.

polis — государство). В учебнике, подготовленном авторским коллективом факультета политологии МГИМО — университета МИД РФ под руководством А. Ю. Мельвиля, отмечается¹, что политика как многомерное явление может быть представлена в качестве:

а) *сферы общественной жизни*, социальной подсистемы, выполняющей *функции* согласования общих и частных интересов, властвования и поддержания социального порядка, достижения общезначимых целей, управления людьми и общественными делами;

б) *вида активности социальных субъектов*, совокупности их индивидуального поведения;

в) *типа социальных отношений* между индивидами, малыми группами и большими общностями, системы взаимодействий и коммуникаций людей между собой.

А также политика может обозначать *политический курс*, т. е. сознательно выработанную политическую стратегию (как логически увязанный, направляемый единой волей ряд последовательных единичных действий), включающую в виде необходимых компонентов определение цели и способов её достижения; направление политической деятельности².

В пункте «в», где политика взята в значении типа социальных отношений между индивидами, коммуникаций между ними, она включает также и отношения между властью и подвластными, без чего ни одна политика как таковая немыслима.

Несколько абсолютизируя этот момент, можно сказать, что *политика как сфера общественной жизни, вид активности людей, тип социальных отношений и как политический курс представляет собой, взятые в разных ракурсах взаимоотношения между властвующими и подвластными*. Однако такие отношения опосредуются рядом звеньев, взаимодействие которых предстает как *политическая жизнь общества*.

Отметим, что бесконечная сложность функционирования общества на всех его уровнях и во всех его проявлениях влечет за собой «невозможность объяснить и решать социальные проблемы в виде шахматной «двухходовки» или чисто социально-инженерного мероприятия»³. *Поэтому представление об опосредующих звеньях между властью и народом не может иметь линейного характера*.

¹ См.: Мельвиль А. Ю. и др. Политология: Учебник. М., 2004. С. 580.

² См.: Там же.

³ Покровский Н. Е. Социология, социологическая культура и их место в современном обществе // Обществ. науки и современность. 2002. №2. С. 42.

В данном случае под властью понимается осуществление властных отношений, влияния, способность властвующего субъекта (будь то индивид, группа лиц или какое-то сообщество) воздействовать на поведение других, вызывать изменения в их ценностном мире, убеждениях, установках.

Исследователи фиксируют конфликт между частной моралью и политической практикой, справедливо полагая, что он является глубинным и развивается на уровне жизненных потребностей человека¹. Общеизвестно мнение, согласно которому политика, т. е. решение общегосударственных и гражданских дел, начиная от исполнения элементарных гражданских обязанностей и кончая решением вопросов о войне и мире, воспринимается как «грязное дело», недостойное тех, кто стремится к «чистой совести» и душевной гармонии. Само это противопоставление, укorenившееся в массовом сознании, оказывается, таким образом, *предпосылкой* «грязной политики», *условием*, содействующим формированию гражданской безответственности в той области деятельности, которая должна была быть сферой наибольшей нравственной ответственности².

Можно сказать, что путь к осуществлению демократических ценностей «проходит через поле» публичной политики. Однако в современном общественном сознании эта проблема, несмотря на всю её важность, остается практически неисследованной. В чем причины такого положения дел? Думается, что во много. Среди них можно назвать и судьбу социологии в нашей стране, когда проблемы публичной политики и публичности оставались на периферии знания; и недостаточность научного общения по проблеме в виде конференций, конгрессов и пр. Но есть и еще одна, на наш взгляд, весьма существенная причина неразработанности проблемы — недостаточно эффективный поиск *методологии*, адекватной предмету исследования.

Изучение политического языка как элемента политической культуры, форм и способов презентации власти в СМИ, политических ценностей и идеалов демократии и свободного волеизъявления народа осуществляется как бы параллельно, подчас вне всякой взаимосвязи. При этом в исследованиях превалирует деятельностный или системно-структурный подход, представляющий в своем статичном варианте абсолютизацию разновидности аналитического момента в познании, весьма дистанцированного от сути реальных процессов.

¹ См.: Динамика ценностей населения реформируемой России.

² Там же. С. 160.

В современной западной социологии, например, эффективно используется системный подход в сочетании с герменевтикой. Достаточно эвристичными при исследовании отдельных аспектов публичности, например, репрезентации власти в СМИ, явились теоретико-методологические направления, контрастирующие с основными принципами академической социологии. Среди них особое место занимает «социальная драматургия» И. Гофмана, использующая элементы герменевтики, теории обмена, развитых в русле символического интеракционизма. Остановимся на методологии сочетания системного подхода и герменевтики, весьма популярной в современной немецкой социологии.

Раздел II

Системный подход и герменевтика в исследовании ценностного политического сознания

Многие исследователи отмечают, что с начала 1990-х годов сформировалась амбивалентность массового политического сознания россиян. Она сохраняется по настоящее время и представляет собой «неустойчивое и неорганичное сочетание двух противоположных систем ценностей и ориентаций, которые условно обозначили как авторитарную и демократическую. Причем различия между ними не принципиальны»¹.

В самом общем виде политические ценности можно обозначить как нормативную оценку политического факта, идеально-го объекта в терминах «плохо», «хорошо», воплощающую в себе представления людей о возможности достижения необходимого, либо желаемого политическими средствами. Если политические установки, или политические ориентации, как правило, связаны с конкретной ситуацией, то политические ценности, выражающиеся как в действиях, так и в оценках общественного мнения, как правило, не связаны с конкретной страной, ситуацией, событиями и олицетворяют представления об идеальных целях, моделях поведения.

Амбивалентность российского ценностного политического сознания реализуется в форме сочетания ценностей авторитарно- демократического типа. Описывая этот феномен, Н.П. Поливаева отмечает, что «речь в данном случае идет о принципиальной значимости для представителей самых разнообразных социальных групп проблематики порядка, стабильности. ... Социетальная дезинтеграция макросреды (т. е. порядок имеет принципиально незавершенный характер) сосуществует с некой гомогенизирующей тенденцией массового политического сознания, а точнее, со свойственным ему чувством экзистенциальной безопасности. Иначе говоря, социальный порядок, стабильность, безопасность для россиян по-прежнему важнее

¹ Поливаева Н. П. Актуальное состояние политического сознания россиян: гетерогенность vs гомогенность? // Власть. 2014. №12. С. 18.

демократии. И это совершенно нормально и логично в актуальном общественно-политическом контексте»¹. И все-таки, автор полагает, что раскол как отсутствие консенсуса по базовым ценностям существует, что «незавершенность процесса формирования новой социальной структуры затрудняет позитивную идентификацию граждан через крупные социальные группы»².

В качестве политических ценностей могут выступить множество самых разнообразных объектов. Так, пространство, «места и площади овеществленного социального пространства или присвоенного физического пространства обязаны своей дефицитностью и своей ценностью тому, что они суть цели борьбы, происходящей в различных полях, в той мере, в какой они обозначают или обеспечивают более или менее решительное преимущество в этой борьбе»³. В политической жизни статус ценности могут приобрести как ценности, воплощающие идеал перспективного социального развития, так и традиционные ценности, или ценности прошлого. Это случается, когда определенные слои, будь то институт власти в целом или отдельные партии, «ощущая опасность в отношении своего коллективного будущего, могут поддерживать свои ценности лишь соотносясь с прошлым, обращаясь к нему и ссылаясь на систему ценностей, соответствующих прошлому состоянию структуры поля социальных классов»⁴.

В имперских системах, полагает Колл, военно-политическая, интеллектуальная и торговая элита могут успешно внедрять свои ценности в массовое сознание. «Термин «элита» в данном случае указывает не на ценностную сторону, а на социальный статус руководящей группы, которая своими суждениями и действиями одновременно и командует, и определяет ценность любой вещи, любой позиции и поведения»⁵.

Политические ценности многообразны, играют огромную роль в жизни общества, социальных слоев, групп, отдельных людей, то объединяя, то разводя их на существенно различающиеся позиции. Ценностное политическое сознание конститу-

¹ Поливаева Н. П. Актуальное состояние политического сознания россиян: гетерогенность vs гомогенность? // Власть. 2014. №12. С. 18.

² Там же. С. 19.

³ Бурдые П. Социология политики / Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко./М.: Socio-Logos, 1993. С. 42.

⁴ Там же. С. 146.

⁵ Кола Д. Политическая социология / Пер. с фр.; предисл. А. Б. Гофмана. М.: Весь Мир, ИНФРА-М, 2001. С. 247.

ирует позиции населения от заинтересованной и активной до пассивной, отчужденной, включая попадание в так называемую «спираль молчания».

У. Липман отмечал, что «наши рациональные представления о политике по-прежнему являются грубыми обобщениями, намного более абстрактными и намного менее проработанными, чем обобщения, нужные для практической работы... В делах политических разум особенно незрел в том, что касается предсказания поведения отдельно взятых индивидов»¹. Но с какой бы степенью адекватности ни интериоризовывались бы политические ценности в сознание человека, они — часть личностной структуры. Являясь компонентой иерархической системы ценностей, определяющей направленность активности человека, ценностное сознание конституирует архитектонику мировоззрения человека, его жизненного мира вообще. Соответствуют ли методы исследования ценностного сознания сложности изучаемого феномена?

Обычно политические ценности изучаются вне взаимосвязи с другими ценностями в структуре индивидуального или общественного сознания. Господствует «метод перечисления» ценностей, когда фиксируется частота выборов и наиболее выбираемые ценности предстают в качестве «базовых и устойчивых», а менее популярные — периферийных и менее значимых. Далее обычно составляются «системы ценностей» респондентов, что на самом деле если и представляет собой систему, то суммативную, где вопрос о «тайне» возникновения новых, интегральных свойств ценностной системы, свойств, конституируемых взаимодействием элементов системы, остается открытым².

Политические ценности, включены в ценностное сознание людей, точнее, — в сознание человека с его памятью, умениями, степенью образованности, культурной принадлежности и пр. Даже этот неполный перечень говорит о настоятельности применения системного подхода. Однако системный подход, несмотря на частые упоминания в качестве методологического обоснования в контексте различных работ, посвященных исследованию ценностей, нельзя назвать, с одной стороны, разработанным, а с другой — достаточным для исследования ценностного сознания.

¹ Липман У. Общественное мнение / Пер. с англ. М., 2004. С. 379.

² См.: Ценности как открытая целостная система // Академический вестник (Ростов-на-Дону, РФ РТА). №4. 2006.

Такие различные ценности, как семейные, политические, эстетические, трудовые, нравственные и иные, разделены только в сознании исследователей, а респонденты обладают нерасчлененным ценностным сознанием, которое можно представить как открытую саморазвивающуюся систему, элементы которой — отдельные ценности — выступают как социетальные, имеющие свою сложную структуру, подсистемы.

С тем, что ценностные системы динамичны, согласны все. Но как понимать и как фиксировать эту динамику? В современном отечественном обществознании понимание динамики ценностей сводится к фиксации «переходов» (детерминированных в основном социально-экономическими факторами) из блока наиболее предпочитаемых ценностей в менее предпочитаемые или отвергаемые. Практически не исследуются механизмы метаморфоз предпочитаемых ценностей в ценности-мотиваторы. И в какой степени содержание ценностей является рационально осмысленным, осознанным? И причем здесь герменевтика, вынесенная в заголовок параграфа?

С этим связан и другой недостаточно изученный вопрос о содержательном наполнении ценностей. Он практически не исследуется, и суть его в том, что возникают ситуации, когда исследователь имеет в виду одно, а респондент — совсем другое. Такую ситуацию зафиксировали наши украинские коллеги. Ученые в процессе исследования политических ценностей столкнулись с тем, «... что в сознании респондентов *безразличие* — это позитивное и к тому же обладающее высоким рейтингом качество. Видимо, в данном случае безразличие означает нечто вроде автаркии, невозмутимости души, умения быть не подверженным сторонним влияниям. В число позитивных качеств своего соотечественника опрашиваемые также включили *терпимость*, которую в данном случае они интерпретировали не как толерантность (это понятие ещё мало известно опрашиваемым), а как терпеливость»¹. Проблема состоит в понимании или непонимании смысла, который вкладывается в слово. Возникает как бы конфликт методов: социолог обсчитывает и интерпретирует данные, но процедура понимания из процесса исключается. Будет ли верной интерпретация и даст ли она в конечном итоге истинное знание, на примере об общественном мнении? А любое конкретно-социологическое исследование ценностного созна-

¹ Навка И. П., Rogozin Н. П. Аномия или переоценка ценностей? Демократические трансформации украинского общества в зеркале общественного сознания. Донецк, 1998. С. 43.

ния по окончании сбора данных представляет собой вербальную информацию, текст. Под текстом мы, вслед за П. Рикером, подразумеваем «... объединенные или структурированные формы дискурса, зафиксированные материально и передаваемые посредством последовательных операций прочтения»¹.

Герменевтика XIX в. занималась в большей мере поисками позитивных условий понимания (нежели интерпретации):

а) историко-лингвистическая ветвь применяла метод «грамматического» понимания автора;

б) историческая школа герменевтики концентрировала внимание на том, чтобы посредством исторического понимания временного фона сделаться современником автора, которого необходимо понять;

в) метод квазипсихологической постановки себя на место автора, с «последующим пониманием», которое, отталкивало от «выражения жизни», помогало осуществить необходимую реконструкцию².

Система ценностей человека или отдельных групп населения не является в строгом смысле социальной системой. Это — *психическая система*, представляющая собой *социальный факт* — *важнейшую составляющую социальной системы*.

А такой известный и неоднозначный ученый, как Людвиг Витгенштейн, подошел к проблеме понимания смысла и герменевтики с других позиций. Его интересы были связаны с природой мысли и языка. Он ставит вопрос о том, каким образом наши слова и мысли что-то означают. Дэвид Блур пишет по этому поводу: «Ясно, что в общем он отрицает идею, согласно которой значением слова является обозначаемая этим словом вещь. Также очевидно, что он не считал правильной теорию о том, что значением слова является ментальный образ или картина, которая появляется перед нашим сознанием, когда мы слышим слово. Его позитивная точка зрения состояла в том, что в подавляющем большинстве случаев значением слова является его *употребление*... Витгенштейн отсылает нас к тому, что он называет обычаями, практиками, конвенциями и институтами»³, иными словами, к социокультурному контексту употребления слова.

¹ Рикёр П. Герменевтика, этика, политика: Московские лекции и интервью. М., 1995. С. 3.

² См.: Апель К.-О. Трансформация философии. М., 2001. С. 62–63.

³ Блур Д. Витгенштейн как консервативный мыслитель // Логос. 2002. №5–6 (35). С. 48.

Поль Рикер, рассуждая о герменевтике текста и социального действия, писал: «... характер желательности, связанный с мотивом, включает в себя одновременно и силовой, и смысловой аспекты в зависимости от того, что является преобладающим: способность приводить в движение или же побуждать к нему, либо же потребность в оправдании... можно говорить о вписываемости действия в ткань истории..»¹.

Возможно чересчур вольным, но не безосновательным будет предположение том, что респонденты подчас «выбирают» не те ценности, которыми руководствуются в повседневной жизни, а те, которые им нравятся, удовлетворяя «потребность в оправдании» или, точнее, самооправдании.

Карл-Отто Апель замечает, «... что в случае языка речь идет о *трансцендентной* величине в смысле Канта, точнее говоря, об условии возможности и значимости понимания и самопонимания и одновременно об условии возможности и значимости понятийного мышления, предметного познания и осмысленного действия. В этом смысле мы собираемся говорить о *трансцендентально — герменевтическом* понятии языка»².

Действительно, человек в своей речи не всегда называет предметы или конкретные объекты, обозначения которых нуждались бы в понимании и интерпретации. Что же касается ценностей, то их интересубъективная составляющая — саморефлексивность — достаточно велика. К. О. Апель, размышляя трансцендентности философского языка, его функционировании в мире повседневной коммуникации, приходит к необходимости интерпретации языковых конструкций. Он пишет: «То, что *естественный обыденный язык* не исключает *саморефлексивности*, но в какой-то мере является собственным *метаязыком*, только, очевидно, и делает для людей возможным специфическое отношение между *языковой системой, языковым употреблением, обусловленным языком опытом* и *жизненной практикой*. Дело в том, что в отличие от функции т. н. «языка животных» — или «сигнального кода» — *коммуникативное употребление языка* у людей не может быть удовлетворительно постигнуто ни как чистая передача *информации о фактах*, которая не затрагивает миропонимания партнера по коммуникации, ни как приватная актуализация системы языка, которая не затрагивает её семантическую структуру... (возникает. — А. К.) необходимость взаимопонимания относительно смысла — т. е. «значения» — знаков

¹ Рикёр П. Указ. соч. С. 16–17.

² Апель К.-О. Указ. соч. С. 240.

языка, но уже в плоскости слов»¹, что представляет, несомненно, выражение рефлексивности человеческого разума в коммуникативном процессе при наличии, конечно, относительной стабильности системы смыслового истолкования.

М. К. Петров, рассматривая универсалии социального кодирования, пишет, что знаковая интерпретация языка начинается с Ф. де Соссюра. «Положения Соссюра: «Язык — система знаков, выражающих идеи ... лингвистика лишь часть семиологии — науки, изучающей жизнь знаков внутри жизни общества», — означали ... социологизацию языковых реалий, которым предложено было покинуть тонкую и труднодоступную для исследования область мышления, духовной жизни и войти в связь с грубой институциональной глиной социальности...»². Ценности, выраженные словами при социологических опросах, по сути, — «не совсем слова», а достаточно емкие смыслы, которые, как мы уже писали, от частоты повторений не становятся ценностями-мотиваторами и подразумевают индивидуально выраженные социокультурные значения.

Как видим, налицо необходимость *процедуры понимания* для получения знания о том смысле, который имеют в виду респонденты, выбирая или отвергая ту или иную ценность. Процедура понимания предполагает знание о том, что выбираемые респондентами ценности отображают восприятие ими действительности в образах и понятиях, соответствующих их личностной развитости. Также они могут отображать ценности, связанные с реализацией жизненных стратегий поведения семей. Ценностные образы и понятия основываются как на культурном «багаже» респондентов, так и на непосредственном восприятии ими социальной реальности, которое осуществляется не только в абстрактно-логической форме, но и в чувственной, подчас без вербальных средств реализации.

Таким образом, ценностное сознание людей, являясь системным объектом, требует для своего изучения системного подхода, дополненного исследованиями функциональных свойств как системы ценностей в целом, так и её многообразных элементов. Вместе с тем любые смысловые образования (а ценности именно таковыми и являются) требуют процедуры понимания, постижения содержания и смысла, которые вкладывают респонденты в словесно выраженную ценность. Только при наличии понимания имеет смысл интерпретация.

¹ Апель К.-О. Указ. соч. С. 249–250.

² Петров М. К. Язык, знак, культура. 2-е изд-е, стереотип. М., 2004. С. 85.

Поль Рикёр замечал: «Важно соблюдать точность в терминологии и закрепить слово «понимание» за общим явлением проникновения в другое сознание с помощью внешнего обозначения, а слово «интерпретация» употреблять по отношению к пониманию... Именно это расхождение между пониманием и интерпретацией порождает конфликт методов. Вопрос состоит в следующем: не должно ли понимание, чтобы сделаться интерпретацией, включать в себя один или несколько этапов того, что в широком смысле можно назвать объективным или объективирующим подходом? Этот вопрос сразу же переносит нас из ограниченной области герменевтики текста в целостную сферу практики, в которой действуют социальные науки»¹. Любая, даже оригинальная и талантливая, интерпретация данных без применения процедуры понимания вряд ли поможет получить истинное представление о состоянии ценностного сознания людей.

Таким образом, ценностное сознание как открытую саморазвивающуюся систему необходимо исследовать и в функциональном аспекте, для реализации которого необходимы процедуры *понимания и интерпретации*. А это — исследовательское поле герменевтики. Совместимы ли системная теория и герменевтика методологии исследования социальных явлений?

Немецкий ученый Вольфганг Людвиг Шнайдер, все еще неизвестный в России, в своей работе «Объективная герменевтика как исследовательский метод системной теории»² дает положительный ответ на этот вопрос. Но вопрос о том, в какой мере герменевтика в состоянии обогатить метод эмпирического исследования ценностей, соответствующий функционально-структурированной системной теории, остается открытым. Речь идет, естественно, о герменевтике как об одном из методов, который, встраиваясь в системную теорию, не конкурирует со структурно-функциональным подходом, а дополняет его.

В каком случае герменевтика может обогащать структурно-функциональный анализ ценностного мира социальных субъектов различной степени общности, в какой степени приемы понимания и интерпретации могут распространяться на системно-теоретические построения социальных систем для

¹ Рикёр П. Указ. соч. С. 4.

² Schneider W. L. Objektive Hermeneutik als Forschungsmethode der Systemtheorie // Soziale Sistem. Zeitschrift fuer soziologische Theorie. 1955. Jg. 1. S. 129–153.

установления смысловых соответствий? Множество подходов, связанных с пониманием, которые часто трактуются в отечественной социологии как герменевтические, не дает ответа на эти вопросы.

Снять эти вопросы может выбор такой позиции герменевтики, которая была бы близка к социологическому исследованию ценностей, учитывала бы специфику данной области социологического знания и располагала методической эвристичностью. Одна из позиций, удовлетворяющая этим требованиям исследования социальных систем — это «объективная герменевтика», — по мнению Ульриха Оверманна и его исследовательской группы¹. Они полагают, что объективная герменевтика является не только методом и методологией, но и включает в себя эксплицитные понятия «смысл» и «структура». В качестве исходного пункта, интегрирующего герменевтику в структурный анализ, предлагается понятие «*СМЫСЛ*», так как оно является релевантным в общественных науках, активно используется и в системной теории, и в герменевтике.

Ценностные состояния сознания, как известно со времён Э. Дюркгейма, являют собой социальные факты. В зависимости от степени устойчивости, закреплённости в сознании они могут модифицироваться в мотиваторы жизнедеятельности. Устойчивость, закреплённость в сознании фиксируются в коллективных представлениях народа, модифицируясь на субкультурных уровнях, тем не менее не теряя своего значения детерминанта актуализирующихся ценностей. Цепочка «прошлое — настоящее — будущее» становится очевидной.

Поэтому «смысл» как теоретическая категория во всей полноте своего содержания не будет «работать» в конкретно-социологическом исследовании ценностей, ценностного сознания. Говоря словами А. Бора², нужна рекапитуляция понятия «смысл» и его непосредственное «транспортирование» в методическую составляющую. Наиболее подходящим для такой «транспортировки» будет двойственный характер системно-теоретических основных понятий, выделяемых Луманном в качестве «основных представлений, эксплуатируемых теоретиче-

¹ См.: Oevermann U. Die objective Hermeneutik als unverzichtbare methodologische Grundlage fuer die Analyse von Subjektivitaet. Zugleich eine Kritik der Tiefenhermeneutik. Frankfurt, 1993. S. 106–189.

² Автор предпринимает масштабную попытку теоретического сравнения объективной герменевтики и системной теории. См.: Bora A. Konstruktion und Rekonstruktion. Frankfurt a/M., 1994. S. 282–230.

ски и методически»¹. О. Литвинова отмечает², что философская импликация гуссерлевского феноменологического понимания смысла, включение его в социологическое знание представляют собой первую попытку Н. Луманна сблизить свою научную дисциплину с несоциологической научной дисциплиной. Это первый опыт стратегии интердисциплинарности — отличительной черты его социологии³.

Никлас Луманн, разрабатывая идеи интердисциплинарности социологии, определяет понятие «смысл» в соответствии с феноменологией Э. Гуссерля⁴. Исследованием гуссерлевской феноменологии сознания Н. Луманн занимается с начала 1970-х гг. Его внимание привлекает гуссерлевское разделение *актуального и потенциального в познании*.

По мнению Э. Гуссерля, феноменология, ориентирующая на непосредственный опыт сознания, необходима для обоснования любого рода научного знания. С этим можно соглашаться или нет, когда дело касается различных наук. В аспекте нашего интереса к исследованию ценностного сознания, приобретают особую важность⁵ мысли Э. Гуссерля об интенциональных актах (способ данности предметов сознанию) и интенциональных предметах (то, на что направлен интенциональный акт). Формирование ценностного сознания социального субъекта любого уровня, будь то отдельный человек или социальная группа, представляет собой процесс познания окружающего мира во фрагменте, который задается сферой жизнедеятельности субъекта.

Естественно, что ценности, как смыслы, содержат в себе концентрированное знание о различных сторонах приватной и общественной жизни и соответствующее отношение к ним. Таким образом, ценности как особого рода «знание-отношение» содержат в себе и опыт прошлого, и потенции будущего «знания-отношения». Ведь для будущих ценностных образований акту-

¹ См.: Luhmann N. Die Wissenschaft der Gesellschaft. Frankfurt a/M., 1990. S. 13.

² См.: Литвинова О. А. «Доавтопоэтический» период социологии Никласа Луманна. С. 38.

³ «С точки зрения самого Н. Луманна, — пишет О. Литвинова, — интердисциплинарность социологии — позитивное явление, позволяющее, как он считал, избежать окостенелости, которая может появиться при гетерогенном развитии отдельных научных дисциплин». Литвинова О. А. Указ. соч. С. 38.

⁴ См. об этом: Литвинова О. А. Указ. соч. С. 35–46.

⁵ Ниже, в разделе, посвященном анализу репрезентации власти в СМИ, проводится анализ интенциональных актов в публичной политике — анализ данности подвластным образа политики.

альное ценностное сознание выступит как основа и даже как традиция, естественно, модифицированная актуальностью.

Присутствие смысла в психической или социальной системе указывает на возможности, которые позднее могут селективно актуализироваться. Поэтому анализ публичности должен проводиться в историко-культурной ретроспективе политических представлений. Такой подход и перекликается с принципом историзма (на уровне социума), и соответствует герменевтико-феноменологическому видению (на уровне индивида). По Э. Гуссерлю, «... каждому восприятию постоянно соответствует горизонт прошлого как потенциальность воспоминаний, а каждому воспоминанию принадлежит, в качестве горизонта, непрерывная последующая интенциональность последующих воспоминаний... Горизонты представляют собой заранее очерченные потенциальности... Каждый горизонт можно расспросить в отношении того, что в нём расположено, истолковать его. Именно так раскрывается предметный смысл, всегда лишь имплицитно намеченный в актуальном... Смысл этот непредставим в качестве готовой данности, он проясняется лишь в результате истолкования данного, а также других, вновь и вновь пробуждаемых горизонтов»¹.

Поэтому и политическая публичность, являющаяся, по определению, «сплавом ценностей», — это не «железобетонный сплав», всегда равный самому себе и поэтому мотивирующий разумное рациональное поведение. Горизонты эти как заранее очерченные потенциальности реализуются в своем содержании далеко не в полной мере, тем не менее «постоянно пробуждаются». На наш взгляд, ценностный мир человека — это «текущий» из прошлого в будущее мир, он может быть не полностью осознанным, и в этой неосознанности не терять детерминационной функции по отношению к поступкам и действиям человека.

Эту особенность ценностного сознания фиксировал, как известно, Э. Дюркгейм в идеях о коллективных представлениях. Что же касается М. Вебера, то важными моментами его методологии явились обозначенные им *два признака социального действия: наличие субъективного смысла и ориентация на другого*. Несмотря на спорность его теории политической рациональности, он, конечно, резко выходит за рамки экономического детерминизма в понимании ценностей и мотивации индивида и группы.

¹ Husserl E. Ideen zu einer reinen Phaenomenologie und phaenomenologischen Philosophie. 1922. Bd. 1. S. 168. Цит. по: Литвинова О. А. Указ. соч. С. 34–35.

П. Гайденок, анализируя методологию М. Вебера, пишет о том, о чем подчас забывают многие критики и поклонники великого мыслителя: «Введение в социологию принципа «ориентации на другого» представляет собой попытку внутри методологического индивидуализма найти нечто всеобщее, принять во внимание ту «субстанцию» социального, без которой целерациональное действие остается классической моделью робинзонады. Авторы робинзонад не предусматривали в действиях индивида никакой «ориентации на другого»: в основе действия индивида для них лежал индивидуальный «интерес», и не случайно именно робинзонады послужили моделью так называемого «экономического человека». Согласно Веберу, социология начинается там, где обнаруживается, что экономический человек — слишком упрощенная модель человека...»¹. Однако *субъективный смысл* (который должен быть понят исследователем) и это *понимание* — центральный пункт понимающей социологии Макса Вебера — всегда лежит в основе реального, целерационального действия. Это было ясно и самому М. Веберу, когда он говорил, что люди не могут однозначно ориентироваться в своих действиях на цель, что идеально-типические конструкции есть средство познания, но реальные жизненные процессы они отражают весьма приблизительно. М. Вебер пишет: «Для типологического научного исследования все иррациональные, эмоционально обусловленные смысловые связи, определяющие отношение индивида к окружающему и влияющие на его поведение, наиболее обозримы, если изучать и отображать их в качестве «отклонений» от чисто целерационального сконструированного действия... реальное, обусловленное различными иррациональными факторами (аффектами, заблуждениями) поведение может быть понято как «отклонение» от чисто рационально сконструированного»². Конечно, спорно, что является предметом типологического изучения: «чисто целерациональное» или же «отклонения».

Этика жизнедеятельности, эмотивизм, а не ценностные смыслы занимают внимание М. Вебера, всегда стремящегося отделить факты от их интерпретаций. Несмотря на то, что «этика жизнедеятельности» и «ценностные смыслы» во многом содержательно совпадают, все-таки первая всегда предполагает осознанную систему поступков, в отличие от последних, со-

¹ Гайденок П. Социология Макса Вебера / Предисловие // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 18–19.

² Вебер М. Основные социологические понятия // Там же. С. 605–606.

держание которых может быть не только чётким и ясным, но и диффузным, расплывчатым, а то и неосознаваемым. Поэтому ценностный мир человека у М. Вебера не является саморазвивающейся системой.

Ведь система всегда в известной степени предстает как деперсонифицированная, причем ее *неосознанные элементы конституируют её также действительно, как и осознанные*. Что же касается системы ценностей людей, то она, интегрируя в органичное целое знания, веру, мнения и предрассудки, с неизбежностью продуцирует «темные пятна» ценностного сознания — *неосознаваемое*. Его необходимо исследовать в единстве с осознанными ценностными установками, так как и то, и другое представляет собой важную основу формирования ценностного мира людей, является для исследователя ценным вариационным рядом.

Поэтому введение Н. Луманном в социологию генерализованной феноменологической трактовки смысла даёт исследователю методологическую основу для *работы в русле вариационного ряда*, позволяет представить системы ценностей как смысловые системы, элементы которых связаны как мыслями (по типу психических систем), так и коммуникативными событиями, отраженными, осмысленными, познанными.

Система ценностей человека или отдельных групп населения не является в строгом смысле социальной. Это — *психическая система*, представляющая собой *социальный факт — важнейшую составляющую социальной системы*. Ценностное сознание, будучи психической системой и при этом — социетальной — по отношению к социальной системе, входит в последнюю, определяет её существенные черты и признаки. Поэтому психическую систему ценностей можно и нужно исследовать как социальную систему, но с учетом её «психической» специфики¹.

Психические системы, как и социальные, являются смысловыми состоящими из таких оперативных единиц, как *коммуникативные события*. Можно возразить, что в ценностных системах функционируют мысли, образы, предрассудки, вера и т. п. Все они возникают и развиваются как коммуникативные события, но несколько иного рода. Как только мы представили систему ценностей как смысловую систему коммуникативных событий,

¹ См.: Марченко Т. А., Мосиенко О. С. Феноменологическая трактовка смысла в социологическом исследовании ценностного сознания//Современные направления теоретических и прикладных исследований — 2014: Сборник научных трудов SWorld. Вып. 1. Т. 17. Одесса, 2014.

так категория «смысл» попадает в центр взаимодействий и стыковки различных ценностей, их сочетаемости и несочетаемости, устойчивости или стагнации. Это можно обозначить как *систему интеракций*, задающую ориентиры будущего — *специфические структуры ожидания*¹.

Категория «ожидание» схватывает динамичность ценностных образований сознания. В этике, например, исследуется моральное предвосхищение, но чаще оно описывается и фиксируется как самоочевидная потенция морали. С описательно-феноменологической же точки зрения предвосхищение оказывается «многоликим», выступает на разных структурных уровнях ценностного сознания, приобретает различные культурно-исторические модификации. Предвосхищения могут функционировать в сознании в превращенной форме мифа, иллюзии, страха, идеологемы и т. п. Человек обладает традицией и языком, памятью, способностью отрицать и одобрять, фантазировать, страстно желать, презирать, опредмечивать свои замыслы и идеи, предвосхищать события и свое поведение. Можно сказать, что конституирование структуры ожиданий — в природе человека. Без ожиданий каждая ценность в системе ценностей с равной вероятностью могла бы рассматриваться как равная сама себе, как её последующий, или же ближайший, элемент². Такая система ценностей была бы энтропийной, а её динамика — проблематичной.

Однако динамика ценностных систем — факт, не подлежащий сомнению. Системы интеракций, задающие системы ожиданий, вследствие взаимодействия смыслов как коммуникативных единиц представляют собой коммуникативным образом реализованное понимание, осмысление. Предыдущие события также присутствуют в ценностном сознании, коммуникация ретроспективно организует себя. Ретроспектива и актуальность взаимодействуют.

Исследуя социальные системы с позиций объективной герменевтики, Вольфганг Людвиг Шнайдер пишет: «Хотя проявление

¹ Н. Луманн различает «когнитивные» и «нормативные» ожидания; У. Оверман ведет речь о так называемых «каузальных структурах», но это лишь терминологические, а не содержательные моменты.

² Пренебрежение интеракцией смыслов и ожиданий приводит к тому, что такие ценности как «общение», «семья», «патриотизм», «работа», «законность», «достоинство», и другие имеют в значительной степени иной смысл, нежели 10, 20, 30 лет тому назад, а в нашей литературе, богатой конкретно-социологическими данными, они содержательно равны самим себе на протяжении десятилетий.

последующего события (с оговоркой последующей корректировки) является решающим, определяющим через коммуникативно актуализируемый смысл предшествующего ему события, но при этом, с точки зрения соответствия ожиданий смысловым возможностям, уже содержащимся в понятом событии, оно остается структурно тесно связанным с предселектированными возможностями. Одновременно каждое последующее проявление событий приносит свой новый смысл в коммуникацию»¹. Это проявляется в ценностном сознании как процесс коммуникативной пере — иерархизации с модифицированными смыслами, реальность и релевантность которых устанавливаются на уровне эмпирического исследования их устойчивости и повторяемости.

Тогда возникает необходимость *реконструкции* (из добытой фактологии путём интерпретации полученной информации) как духовного образа социального субъекта, так и его целей и мотиваций в социально-культурном контексте, где контекст выполняет унифицирующую роль и дает возможности для социально-типизированной интерпретации.

¹ Schneider W. L. Op. cit. S. 132–133.

Заключение

Общественное мнение как адресат публичной политики

Ведь публичная политика, являясь формой репрезентации власти, осуществляет себя через публичность: реализуется на широком социальном пространстве, вовлекая в общественные процессы социальные группы различного уровня и степени общности в качестве своих субъектов и объектов и, несомненно, играет важную роль в жизни каждого отдельного человека, государства и мирового сообщества.

Отметим, что понятие «публичность» более объемно, нежели понятие «публичная политика». В сфере публичности могут функционировать и воспроизводиться связи и отношения, не сопряженные с основными направлениями государственной политики. Публичная политика, как правило, развертываясь в широком пространстве публичности, отражает направления государственной политики, является сферой диалога власти и подвластных по вопросам политического, экономического, социального, правового, культурного, межэтнического и иных направлений.

Публичная политика, на каком бы уровне развития она не находилась в той или иной стране, всегда представляет населению через СМИ образ не только власти, но и всех социально-профессиональных групп населения: всегда ли соблюдаются какие-то пропорции, и какими они должны быть? Возможно, эти вопросы — вне сферы внимания практических работников СМИ и их руководителей, а возможно, просто реализуются во-многом спонтанно, особенности социальной системы. Ведь нельзя сказать, что в какой-то стране, или в какую-то эпоху публичной политики фактически не было. Потому что даже самая примитивная, не осознанная на государственно-теоретическом уровне, рационально не обоснованная публичная политика функционирует в публичном пространстве постоянно, а значит — репрезентирует государственную власть, конструирует её облик, как и облик страны в целом.

Несмотря на глобальность функционального диапазона публичной политики как социокультурного феномена, она остается в России практически неисследованным объектом. В отечественном общественном сознании отсутствует четкое понимание содержания, предмета и задач публичной политики. Даже созданные когда-то по всей стране «школы публичной политики» используют свой интеллектуальный потенциал не столько для разработки ее основных направлений и стратегий их реализации, сколько для подготовки людей к работе во властных структурах. А подготовка эта сводится в основном к усвоению мастерства публичного выступления, выстраивания имиджа политика, его позиционирования в системе СМИ.

Н. Шматко справедливо отмечает, что сам термин «публичная политика» в отечественной науке не имеет пока выражения в социологических понятиях и представляет собой рыхлое, смутное представление, задействованное в политическом дискурсе. «Экспрессивная стратегия этого дискурса — скрыть некую совокупность явлений от научного анализа, переведя её в область лишённого основания и спонтанного»¹. Несмотря на то, что с 2001 года, когда Н. Шматко заложила в своей статье теоретические основы исследования публичной политики, и интерес ученых к этому феномену возрос, — теория публичной политики все еще остается делом будущего.

¹ Шматко Н. А. Феномен публичной политики // Социол. исслед. 2001. №7. С. 108.

Литература

1. Bora A. Konstruktion und Rekonstruktion. Frankfurt a/M., 1994.
2. Habermas J. Strukturwandel der Oeffentlichkeit. 17. Auflage. Frankfurt a/M. 1990.
3. Hill, Micheal Public Policy Process. 2005 / Электронный ресурс: URL: reply@mail.goodreads.com
4. Jump up «Characteristics of Successful Public Policy». Norwich University Public Adminsitration / Электронный ресурс: URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Public_policy.
5. Krause D. Luhmann-Lexicon. 3. Aufl. Stuttgart, 2001.
6. Luhmann N. Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt a/M., 2000.
7. Luhmann N. Die Wissenschaft der Gesellshaft. Frankfurt a/M., 1990.
8. Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. Frankfurt a/M., 1987.
9. Oevermann U. Die objective Hermeneutik als unverzichtbare methodologische Grundlage fuer die Analyse von Subjektivitaeat. Zugleich eine Kritik der Tiefenhermeneutik. Frankfurt, 1993. S. 106–189.
10. Schneider W. L. Objektive Hermeneutik als Forschungsmethode der Systemtheorie // Soziale Sistem. Zeitschrift fuer soziologische Theorie. 1955. Jg. 1. S. 129–153.
11. Watzlawick P. Menschliche Kommunikation: Formen, Stoerungen, Paradoxien. Bern, 1969.
12. Апель К. О. Трансформация философии / Пер. с нем. М., 2001.
13. Басенок Н. А. Антиномии института политической свободы: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2003.
14. Блур Д. Витгенштейн как консервативный мыслитель // Логос. 2002. №5–6(35).
15. Богучарский А. В., Марченко Т. А., Переверзева О. В. Очерки по теории публичной политики. Ростов н/Д, 2014.
16. Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко / М.: Socio-Logos, 1993.
17. Гайденок П. Социология Макса Вебера. Предисловие // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
18. Динамика ценностей населения реформируемой России / Под ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. М., 1996.

19. Кола Д. Политическая социология / Пер. с фр.; предисл. А. Б. Гофмана. М.: Весь мир, ИНФРА-М, 2001.
20. Крымский С. Б. Истина и мнение // Филос. науки. 1990. №10.
21. Липман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
22. Литвинова О. А. Система, социокультурный контекст, интердисциплинарность социологии Никласа Луманна: Дис. ... канд. социол. Ростов н/Д, 2003.
23. Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005.
24. Марченко Т. А., Вялых Н. А. Теория общества Н. Лумана: методические аспекты изучения и преподавания: методические рекомендации для будущих социологов и преподавателей социологических дисциплин: учебно-методическое пособие. Ростов н/Д: Профпресс, 2014.
25. Марченко Т. А., Мосиенко О. С. Феноменологическая трактовка смысла в социологическом исследовании ценностного сознания // Современные направления теоретических и прикладных исследований — 2014: Сборник научных трудов SWorld. Вып. 1. Т. 17. Одесса, 2014.
26. Марченко Т. А., Рябова Л. В. О методологии исследования политической публичности. Государственное и муниципальное управление // Ученые записки СКАГС. 2014. №4.
27. Мельвил А. Ю. и др. Политология: Учебник. М., 2004.
28. Навка И. П., Рогозин Н. П. Аномия или переоценка ценностей? Демократические трансформации украинского общества в зеркале общественного сознания. Донецк, 1998.
29. Немецко-русский словарь / Под ред. К. Лейна. М., 1992.
30. Никовская Л., Якимец В. Повышение культуры публичной политики — вызов для демократического развития России // Власть. 2014. №9.
31. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Мансурова Н. С. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996.
32. Петров М. К. Язык, знак, культура. 2-е изд-е, стереотип. М., 2004.
33. Покровский Н. Е. Социология, социологическая культура и их место в современном обществе // Обществ. науки и современность. 2002. №2.
34. Поливаева Н. П. Актуальное состояние политического сознания россиян: гетерогенность vs гомогенность? // Власть. 2014. №12.
35. Рикёр П. Герменевтика, этика, политика: Московские лекции и интервью. М., 1995.
36. Ценности как открытая целостная система // Академический вестник (Ростов-на-Дону, РФ РТА). №4. 2006.
37. Черных А. В. Политическая ложь как механизм удержания власти // Власть. 2014. №12.
38. Шматко Н. А. Феномен публичной политики // Социол. исслед. 2001 №7.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. О понятиях «общественное мнение», «публичность» и «публичная политика»	3
РАЗДЕЛ I. Проблема неадекватности общественного мнения. Общественное мнение и публичность (Н. Луман, Х. Арендт, Э. Ноэль-Нойман)	6
РАЗДЕЛ II. Системный подход и герменевтика в исследовании ценностного политического сознания	21
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Общественное мнение как адресат публичной политики	36
ЛИТЕРАТУРА	38

Учебное издание

А. В. Богучарский, Т. А. Марченко, О. В. Переверзева

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ, ПУБЛИЧНОСТЬ И ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ

Редактор — Д. В. Нефёдов
Верстка и дизайн — ООО «Профпресс»

ООО «Профпресс», 344019, г. Ростов-на-Дону, ул. 13-я линия, 34, оф. 407,
тел. (863) 241-37-43, факс (863) 220-38-27, e-mail: profpress@aaanet.ru.

Отпечатано в РИК ООО «Профпресс». Сдано в набор 07.12.2015.
Подписано в печать 10.12.2015. Формат 64x80/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Гарнитура MyriadPro. Усл. печ. л. 2,5. Тираж 100 экз.

ISBN 978-5-905468-53-7

9 785905 146853 7